

**13 октября
народному
артисту СССР,
лауреату
Государственной
премии СССР,
Государственной
премии России,
лауреату премии
имени
Станиславского,
многokrатному
лауреату премии
«Хрустальная
Турандот»
Марку
Анатолевичу
ЗАХАРОВУ
исполняется
70 лет.
В преддверии
юбилея
корреспондент
«Тверской, 13»
встретился
с известным
режиссером.**

- Марк Анатольевич, расскажите, пожалуйста, о ваших первых шагах в театре? Как складывалась творческая жизнь до Ленкома?

- Если бы меня в молодости спросили: кем хочу быть, а я бы сказал, что хочу быть художественным руководителем театра, народным артистом Советского Союза, лауреатом Государственных премий, профессором, то меня бы, конечно, сочли сумасшедшим. Мне и мысли такие в голову не могли прийти. Я вспоминаю себя двадцатилетним и поражаюсь, до чего же я был напичкан разными дурными, фальшивыми, ненужными идеями.

Самым главным театральным впечатлением в жизни стала «Синяя птица» во МХАТе. Я не помню в подробностях, что и как там происходило. Мне было лет шесть-семь. Зато в памяти прекрасно сохранилось ощущение чего-то доброго, целебного, излучение какого-то чуда, театральной магии, причем распространяющееся не только на детей, но и на взрослых. Я заболел театром сизмальства, хотя всякая дурь гуляла в голове и по окончании школы, конечно, полез вместе с товарищами в разные технические вузы. Особенно мне хотелось в архитектурный институт, но я выбрал что поскромнее: Инженерно-строительный институт им. Куйбышева. Ринулся туда, не добрав необходимого количества баллов на престижный факультет, и мне предложили отделение канализации и водоснабжения. Естественно, меня это внутренне очень обидело.

Теперь я понимаю, что правильно сделал, что не пошел: не стоило наносить отечественному водоснабжению такой удар. Само собой, я не успокоился и помыкался еще некоторое время. В архитектурный меня дальше подготовительных курсов не пустили, и тогда пошел в Школу-студию при МХАТе. На предварительной консультации вдохновенно прочел стихи, слеза даже пошла, но после прослушивания сказали, что мне в жизни надо заниматься чем-то другим. И я, глотая слезу, попросил хотя бы до первого тура допустить, но ответ был суров, что они не собираются загромождать себя бесперспективными абитуриентами. Тогда моя матушка, учившаяся в свое время в студии Юрия Завадского, научила меня, как надо читать стихи, и я, поступая в ГИТИС, читал «Песню про купца Калашникова» изо всех сил, на полную мощь, с отдачей, и, видимо, в виде эксперимента меня приняли в ГИТИС.

Там я честно учился, но всегда был во втором эшелоне. Хотя общение в процессе обучения с Андреем Лобановым, пусть и недолгое, сыграло только на благо. Наш актерский курс был довольно способным. Среди учеников были Юрий Горобец, Льюсена Овчинникова, Валерия Бескова, Владимир Васильев, сын режиссера Петра Васильева. К концу обучения все как-то устроились в Москве, а меня никто не захотел «расхватывать». Только один человек мною заинтересовался. Говорит мне: «Знаете, я давно к вам приглядываюсь, цирк на сцене не хотите?» Мне стало очень обидно, но ничего больше не оставалось, и я пошел по московским театрам. Спрашивал, не надо ли кому лишнего артистов. На меня внимательно смотрели и отвечали - нет, ни в коем случае не надо. Тогда мне пришлось поехать в Пермь. Это был удачный ход в моей судьбе и знамение ангела-хранителя, который меня туда послал, чтобы я перестроил свое сознание, психику, нервную систему и, возможно, поумнел. В 55-м году в Перми был хороший театр, позднее в нем работали Георгий Иванович Бурков, Петр Алексеевич Вельяминов. В Перми я проработал до 1959 года. Как-то, когда ко мне приехала жена,

она объявила, что надо ехать в Москву. Я не очень был настроен на отъезд, но женщины всегда умнее. И именно она потащила меня в Москву. Какое-то время я помыкался в театре на Спартаковской. Затем мой друг Владимир Васильев попросил своего отца, режиссера Петра Васильева, который тогда возглавлял Театр имени Гоголя, взять меня к ним. И, как говорят в народе, меня по блату, с большой неохотой взяли в Театр Гоголя. Теперь я мучался в этом театре, изображая на сцене восставший народ или толпы людей. Параллельно моя жена начала работать в Театре миниатюр у Владимира Соломоновича Полякова, сейчас это театр «Эрмитаж». А тогда это был полудомашний театр, полустрашный, но заведение очень интересное. Она уговорила Владимира Соломоновича взять меня на работу. Именно эти годы были для меня очень важными и интересными. Я узнал, что такая Тэффи, что такое юмор Аверченко, который до сих пор сидит во мне, остался на всю жизнь. Параллельно начал заниматься в студенческой самодеятельности. Поставил в драмкружке станком-инструментального института спектакль «Чертюла мельница», который имел успех. После него ребят пригласили в студенческий театр при МГУ, который в это время возглавлял Сергей Юткевич. Ребята, конечно, сказали, что у них уже есть режиссер. На это получил достойный ответ: раз у вас есть режиссер, давайте нам вашего режиссера.

Я все это говорю, чтобы подчеркнуть роль стечения обстоятельств. Ведь каким оно должно быть: помимо таланта, работоспособности, озарения еще надо, чтобы все успешно совпало. Я вспоминаю тех ребят, которые притащили меня в студенческий театр при МГУ, с огромной благодарностью. Они сыграли действительно значимую роль в моей жизни. Не знаю, что было бы без них. Безусловно, что-то бы было, но что-то уже совсем другое. Я все это говорю к тому, что молодым людям не стоит огорчаться, когда им отказывают, ведь, может быть, это к лучшему. Известно, как потом все обернется. Так что студенческий театр подарил мне первый успех. Тогда только-только вышел сборник пьес Евгения Шварца, и меня очень заинтересовал «Дракон». Спектакль имел определенный резонанс в культурной среде. Принимать постановку должен был партком МГУ, и, понимая всю сложность происходящего, а это были 60-е годы, на сдачу спектакля пришел Валентин Плучек, Олег Ефремов, очень поддерживал Сергей Юткевич. Поначалу спектакль шел с успехом, но потом все же был закрыт. И в 65-м Валентин Николаевич Плучек решил на серьезный шаг, даже, по моим сегодняшним воззрениям, на рискованное и сумасшедшее действие. Он не побоялся принять к себе в Театр сатиры человека из студенческой самодеятельности, правда, человека с актерским образованием. Он сказал, что я пойду в труппу как артист, а заодно буду заниматься и режиссурой. Для меня это было страшно лестно. Иг-

чему-то она приехала на спектакль очень разгневанная, и в результате моя постановка была запрещена. Я очень переживал, а Валентин Николаевич Плучек, успокаивая, сказал: «Марк, ты провалился. Давай шампанское тачи!» И он был прав. Олег Ефремов мне тоже тогда говорил, чтоб я не жалел о запрете спектакля, уверял, что со временем постановка обрстет легендами и о ней будут говорить лучше, чем она была на самом деле.

Не обошлось и без трудностей.

Я познакомился с Григорием Гориным, он принес мне пьесу «Банкет», которую я поставил в Театре сатиры. Спектакль сразу был запрещен, и если бы не Андрей Александрович Гончаров, который пригласил меня в Театр имени Маяковского, где я поставил спектакль «Разгром» с Арменом Джигарханяном в главной роли, не знаю, что бы было. Хотя с этим спектаклем дело обстояло тоже не так просто.

Мы вместе с Иосифом Прутом представили инсценировку романа Александра Фадеева «Разгром». Пошли всякие закулисные раз-

ли гигантское значение в моей жизни. Позже мне рассказывали, что Фурцева советовала Гришину, чтобы он ни в коем случае не назначал меня главным режиссером, иначе есть шанс нарваться на такое... Несмотря на сопротивление министра культуры, Гришин, а он тогда был первым секретарем горкома партии, принял решение в мою пользу. Он сказал мне на бюро горкома, что в курсе моих «ошибок», но все же назначает главным режиссером в театр и надеется, что я буду работать без экспериментов. Я это очень хорошо запомнил, и началась новая страница моей жизни - Ленком.

- Чем обоснован выбор пьесы, которая стала первой премьерой в этом сезоне? И что это вообще за пьеса?

- Всегда хочется немного уйти от себя. Может, полностью этого сделать не удастся, но такие смелые, сумасшедшие идеи есть всегда. Хочется уйти в какие-то другие сферы - и сценические, и философские. Наверное, поэтому такие западноевропейские интеллигалы, как Ануи,

ние - мне действительно очень трудно рассказать, про что это и что это вообще такое. Отчасти это какие-то тайные боли, явные боли, радости, надежды и все равно, наверное, утверждение жизни, радость через злость, через гнев.

- Каковы ваши дальнейшие планы?

- В ближайших планах - просто продолжать работу. Мы уже многое сделали с нашим сценографом Олегом Шейнцисом по спектаклю «Последняя жертва» А. Н. Островского. Сейчас почти все театры вдруг бросились по нашим следам. И все-таки, я думаю, если бы был жив Александр Николаевич, он оставил бы право первой постановки за нами, поскольку мы давно уже изыщали желание это сделать и разрабатывали постановку. И делаем это подробно, внимательно, не торопясь. И премьера будет где-то зимой, пусть снег выпадет или пусть уже начнет таять. Еще планируется международный, прибалтийский проект с замечательным режиссером Эльмом Нюганеном. О нем много пишут, в Таллине у него очень интересные постановки. Нам удалось дого-

ОБЛАСТЬ МЕЧТАНИЙ

вориться с ним о постановке «Мсье Амалькофф платит». Надеюсь, все получится успешно. Во-первых, пьеса очень любопытная и сочная, а во-вторых, режиссер за работу берется незаурядный, можно даже сказать выдающийся режиссер, ну и, в-третьих, группа артистов из Театра Ленком собралась хорошая и сильная.

- Как вы собираетесь ставить Островского?

- Если упростить вопрос, то можно сказать: в джинсах там ходить, точно, не будут. Я постараюсь максимально выразить степень моего уважения к великому драматургу и его великому театру. Существует Театр Островского, который мы немного подвинули в сторону неких хрестоматийных ценностей. К примеру, с Шекспиром уже можно делать что угодно, а Островский - это что-то этнографически ценное. Островский - это замечательная, мощная драматургия, памятник нашей истории, культуры, лексик, метаний, поисков, радостей, надежд. Безусловно, я могу напридумывать много разного искусственного авангардизма. Но мне хочется прикоснуться к этому материалу очень осторожно, вместе с тем спектакль не должен быть скучным. Он должен стать зрелищным. Зрелищность, наверное, - одна из особенностей русского театра. Театр рассчитан на большой демократический охват. Мы работаем и на гурманов, и на тех, кто вдруг купил билет и впервые пришел в театр или вообще пришел без билета. Нам все равно - мы рассчитываем на всю публику в целом. Хотя самый любимый зритель - это студенты, пенсионеры и промежуточные социальные группы.

Безусловно, к Островскому у меня особое отношение, начиная с «Доходного места»: ведь с него-то и началась моя московская известность. Потом был «На всякого мудреца довольно простоты». Я назвал спектакль «Мудрец». Он уже много лет идет на сцене Ленкома. Уже не знаем, что и делать, снимать пора. Это вообще проблема - снять какие-то спектакли, выбрать какие-то можем. Я перешел на чисто профессиональные боли как художественного руководителя. Не должно быть слишком много спектаклей, каждый из них играть как можно чаще, так что для нас проблема переполнения репертуара встала достаточно остро, и надо будет ее решать.

- Кроме Островского, кого вы могли бы причислить к любимым авторам?

- Генри Ибсена. Только пока я боюсь его ставить. Может, когда-нибудь наберусь смелости и поставлю. Было бы интересно. Но это больше из области мечтаний. Кстати, сейчас модно проводить разные пресс-конференции. Надо бы и мне сказать слово о новых замыслах. Мелькнул замысел, и сразу устраивать пресс-конференцию. Наверное, это единственный способ обратиться к себе и театру дополнительное внимание. Я думаю, об этом тоже стоит думать. Я не очень серьезно говорю даже о серьезных вещах.

Беседу вел
Наталья ГУДКОВА